

Аркаша Сапожков

ХУЖЕ НЕКУДА

Стихи и песни

Аркаша Сапожков

Хуже некуда. Стихи и песни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32491425

ISBN 9785448580345

Аннотация

В данной книге представлены стихи Аркаши Сапожкова, являющиеся в свою очередь текстами песен из репертуара рок-группы «Хуже некуда».

Содержание

Об авторе	5
«Да, я шут, ну так что же»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Хуже некуда Стихи и песни

Аркаша Сапожков

© Аркаша Сапожков, 2017

ISBN 978-5-4485-8034-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

«Да, я шут, ну так что же» (Рецензия на сборник Аркаши Сапожкова «Хуже некуда»)

Когда читаешь подряд стихи Аркаши Сапожкова (Максима Куликова), то создается впечатление непрерывной езды с тяжелыми препятствиями. И при чтении одного стихотворения такое же чувство, но препятствие встречается чаще всего одно, иногда два. В чем здесь дело?

Поэт намеренно разбивает дорогу, устраивает на ней завалы, роет ямы. Иначе трудно объяснить, почему одна часть дороги прямая, ровная, как в «Сентябрь, поэтичная пора...», а другая лишена точной рифмы, напрягает сбоем ритма, нарочитой корявостью. И даже в этой относительно гладкой вещи первое слово – сентябрь – лишено одного необходимого для гладкописи слога. А чаще всего мы встречаем резкие лексические перепады. То, что у, я бы сказал, менее решительного провокатора сглаживалось бы постепенным переходом от нейтральных слов к нарочито брутальным, в стихах Сапожкова подается дерзко, вот вам! «Осенний листок» – название настраивает на элегический лад.

И ритм выбран меланхолический, но каков лексический ряд: кандидаты, валютный оскал, фракции, ассигнации, коллекторы. Автор честно дает понять – другим «осенних листков» у меня для вас нет.

Автор правдив, понимает, что элегиям и вальсам места нет.

В нарочитой сшибке лексических пластов: начало – «Любови все сословия покорны», через строку – «Реальная братва елозит порно», – и состоит, как мне представляется, особенность языка Сапожкова. Мы нет-нет, да поддаемся знакомому ритму, – «Любовь у всех своя, коварен Бог» – перекликается с нами Высоцким поэт, и тут же – «Любовь порой живёт в дерьме и поте». Я бы назвал этот прием двойной провокацией: и первая строчка с уже «вызывающим изъясном» – «Под шерри бренди и Чака Берри», вторая же бьет в ту же точку с нарочитой силой – «На лавке в сквере торчали геи». Похожий прием: две строчки почти нейтральны, а следующие две бьют: «На свете люди есть наверняка, Те, кто не ведал дна у кошелька, Кто может за усладу и кровать, От холки до копыт упаковать».

Далее этот прием уже не нужен, и вещь идет по руслу брутальности, жесткости, нарочитой вульгарности. В уже цитированном стихотворении «А. Фишману» две первые: «Любови все сословия покорны, Хоть дервиш кочевой ты, хоть ты шах», – вторая и четвертая: «Реальная братва елозит порно. Что можно – без женитьбы и за так».

Но часто автор сразу наносит «лексический удар»: «Работа – счастье нищоброда», «Три коллектора в гуще подъезда, Рисовали бычками по двери», «Толчуются и матно, и потно», «Сосед вечор купил себе ружьё». В таком случае автор начинает именно так, чтобы взгляд зацепился: ситуацией, выбором грубого слова, парадоксом. «То, как хочется спать – не про то разговор», – снова переключка с Высоцким. «Колотили мальчиши кенийца». Сама строчка звучит эпически – прошедшее время глагола, важность события, которое рисует поэт, и – провокация: это антигайдар.

Автор упрямо торит свою тропу, иногда кажется, что он с кем-то в споре, утверждает право писать про такой мир. Мир Сапожкова кажется узнаваемым, словно поэт обводит по контуру картинки, характеры, ситуации, увиденные на улице, но на самом деле это не совсем так. Сапожков все время усиливает брутальность, увеличивает мрак, ни в одной вещи нет «хорошего» конца. Само название сборника – шутовская провокация: вы думаете «хуже некуда»? Нет, может быть намного хуже. За строчками Аркаши угадывается серьезный опыт жизни, встреча со многими ситуациями, которые он чуть сдвигает в сторону гротеска.

Поэт вбирает в себя эту грязь, словно хочет, чтобы мы с ней поменьше сталкивались. Он – Дон Кихот, но сражается с настоящими великанами, пытается бить их словом, хлесткой фразой, иронией, юмором.

Опасность такой позиции всегда одна: ты начинаешь себя

чувствовать судьей мира и вещать. И мы можем спросить: с каких позиций ты вещаешь, почему я должен тебя слушать? Но стихи Сапожкова не вызывают таких претензий. Их можно совсем не принимать, можно попытаться в них разобраться, но нельзя увидеть за строчками вещей Аркаши позу самоуверенного моралиста. Именно самоирония, ирония, шутовство помогают Аркаше удержаться от соскальзывания в положение человека, «спасающего мир».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.